

развращенность разума и сердца. Позволялось быть неверной супругой и непостоянным мужем, лишь бы уметь процитировать кстати стихотворную строку Вольтера, остроу Дидро, мысль Руссо; супруги жили раздельно, но жена держала на туалетном столике томик „Эмиля“ и с энтузиазмом рассуждала о священных обязанностях матери, в то время как муж, на словах — сторонник экономических наук, растрачивал свое состояние с девкой из Оперного театра. В начале моего пребывания в Париже я удивлялся, встречая в модных кружках женщин, которые, окруженные любовниками, спорили о средствах улучшить социальный строй, но над моим удивлением смеялись, и я прослыл варваром. Там всегда находился какой-нибудь скромный философ, который напоминал мне о беседах Сократа с Аспазией. Эти странные перемены особенно бросались в глаза за столом, на завтраках аббата Морелле, на обедах г. Гельвеция, на ужинах г-жи Неккер. Трапеза стала серьезным делом, наукой, искусством, и вельможа, современная Аспазия, строгий философ не брезговали при случае заняться поварским делом. За десертом начинали нежно сочувствовать страданиям народа, негодовали на повышение хлебных цен, и это называлось беседой о морали и политике. Вы услышали бы тогда, как автор „Философских размышлений“ жаловался на стеснение печати, или негодовал на lettres de cachet, из которых сделали такое ужасное уподобление, как Лувэ говорил о философии, а Лакло проповедовал нравственность. Время предрассудков миновало. Часто смеялись над бедным веком Людовика XIV, когда придавали такое нелепое значение полемике Сорбонны с Пор-Роялем, спорам о милости, о свободе, о чистой любви, о церкви. Дело шло теперь совсем об ином. Учение Кенэ, которое „Друг людей“ называл язычком пламени от факела Прометея, образование и передвижение богатств; чистый продукт; вопрос о том, не содержали ли иероглифы Персеполя начатки экономических сведений или можно создать угря из blé ergoté, как уверял автор „Системы природы“, — таковы были высокие темы разговоров, захвативших все общество.

«Несмотря на эти серьезные занятия, всегда находилось время прочитать „Нескромные драгоценности“, „Жизнь кавалера Фоблаза“, „Опасные связи“ и непристойные романы (которые Мирабо передавали даже сквозь стены Бастилии) и стихотворения Жангиля Бернара, который в это время умирал от объедения и сумасшествия, применив на практике принципы, изложенные в его произведениях. Все становилось материальным в обществе, даже поэзия. Геометр и механик создавали социальные теории и претендовали возродить мир. Американская война всем вскружила головы, только и грезили, что об конституции, естественном праве, народоправстве и, казалось, в некоторых салонах слышишь рассуждения жителей нарождающейся колонии о создаваемом ими государстве в пустыне.